

Про Арапулку

Был-жил царь с царицей. У царя и царицы была дочь Елена и три сына. Жили-пожили. Пошла Елена в сад гулять с няньками. Погуляли тамotka, вот она и говорит нянькам: «Вы посидите, а я пойду погуляю».

Пошла она к яблоне, и вот прилетел Ворон Воронович, Клёкот Клёкотович, Семигородович, взял ее и утащил. И потом забегали няньки, тревогу сделали. Видели, что поднялся, а не знают где-ка, ведь уж на небо не пойдешь!

Ну вот, этот царь сделал сыновьям стрелки, те просили стрелять, где жениться будут. Старшой выстрелил бабушке-задворенке в окно, она его ругать: «Такой ты, эдакой, а еще царский сын! У тебя, — говорит, — сестру-то унес Ворон Воронович, Клёкот Клёкотович, и ты туда хочешь попасть?»

Вот он пришел к отцу и матери, рассказал все, попросил на печь ему в дорогу подорожников и отпустить его искать сестру, ее унес Ворон Воронович, Клёкот Клёкотович.

Перва-то родители не хотели отпускать, а потом дали благословение. Ну, и дали ему коня: «Поезжай, — говорят, — Михайлушко!»

Ехал долго ли, коротко ли, близко ли, далеко ли. Едет и сам не знает куда, все едет да едет. И вдруг видит — стоит избушка на курьей ножке, на петушьей головке. «Избушка, избушка, повернись к лесу глазами, ко мне воротами!»

Избушка повернулась к лесу глазами, а к нему воротами. Зашел в избушку, там сидит старушка: нос на опечке, глаза на полчке, губами горшки волочит, а языком печь пашет. «Фу, фу, — говорит, — русский дух, русским духом пахнет, давно я его не слыхала! Хороший, — говорит, — кусок мяса пришел ко мне!» — «Нет, — говорит, — бабушка, ты кусочком не лакомясь! Сперва дорожного человека напой, накорми, в байне вымой, а потом и лакомясь».

Бабушка захлопотала, баенку затопила, обед наварила. Намылся, напарился он, напился, накушался и спать повалился. Со сна пробудился, она стала его выспрашивать и выведывать: «Чей ты такой да откуда?» — «А я, — говорит,

— царский сын, иду сестру искать. У меня ее унес Ворон Воронович, Клёкот Клёкотович». — «Много, — говорит, — дитяtko, туда ходцов, а мало выходцов. Далеко он от меня живет, у меня сестра там дальше есть, бат, она чего-нибудь знает, — говорит. — Царского коня оставь здесь, я буду за ним ухаживать. А на тебе, вот, клубочек, он будет тебе дорожку указывать. Куда клубочек покатится, туда и иди. Придешь к моей сестре».

Ну и вот, он с ней распротился да в путь-дорогу пустился. Клубочек катится, а он за ним идет. Катился, катился, прикатился — опять избушка на курьей ножке, на петушьей головке. Он и говорит: «Избушка, избушка, повернись к лесу глазами, ко мне воротами!» Избушка повернулась к лесу глазами, к нему воротами. Зашел он в избушку, там сидит старушка, Баба Яга, костяная нога: нос на опечке, глаза на полчке, губами горшки волочит, а языком печь пашет. Говорит: «Фу, фу, русский дух, русским духом пахнет, давно я его не слыхала. Вот, — говорит, — кусочек жирный пришел ко мне!» — «Ты, — говорит, — бабушка, хвались, да кусочком не подавись. А сперва с дороги напой, накорми да спать уложи, а потом хвалиться будешь».

Она начала на печке хлопотать, варить да жарить, да баенку натопила, намыла, накормила да спать уложила. Тогда и стала вести выпрашивать. Он и отвечает: «А я царский сын, иду сестру искать, у меня ее унес Ворон Воронович, Клёкот Клёкотович». — «Я, — говорит, — слыхала, как он мимо меня летал, но далеко он живет. А вот еще есть у меня сестра младша, та лучше знает. Я тебе, — говорит, — дам яйцо, ты его на дорожку спусти, куда оно покатится, туда и ты иди».

Вот он опять пошел, шел, шел. Опять же стоит избушка на курьей ножке, на петушьей головке. Он и говорит: «Избушка, избушка, повернись к лесу глазами, ко мне воротами!» Избушка повернулась к лесу глазами, а к нему воротами. Зашел в избушку, там сидит старушка: нос на опечке, глаза на полчке, губами горшки волочит, а языком печь пашет. Она и говорит: «Фу, фу, русский дух пришел, русским духом пахнет. Хороший кусок мяса ко мне пришел!» — «Ты, бабушка, кусочком не лакомясь! Сперва дорожного человека напой, накорми, в байне вымой, а потом и лакомясь».

Бабушка захлопотала, баенку затопила, обед наварила. Намылся он, напарился, накушался, напился и спать повалился. Со сна пробудился, она стала его выпрашивать и выведывать. «Чей ты такой да откуда?» — «А я, — говорит, — царский сын, иду сестру искать. У меня ее унес Ворон Воронович, Клёкот Клёкотович». — «Много туда ходцов, да мало выходцов. Я, —

говорит, — слышала и видела, как он мимо летел, низко гремел. Дам я тебе колечко, оно прикатится ко самому крылечку, там твоя сестра и живет».

Пошел царский сын дальше — за колечком, прикатилось они прямо на крылечко. Он постучал в дверь, вышла красная девица, царевна Елена. «Ой, ты, — говорит, — родимый брателко, куда ж тебя господь принес? Сюда-то пришел, а отсюда-то не уйдешь!»

Сестра брата в избу впустила, накормила, напоила, поплакала, поревела и поставила его в запечек. (Больше никуда не ухоронить.) «Вот, — говорит, — прилетит скоро Ворон Воронович, Клёкот Клёкотович».

Вдруг летит Ворон Воронович, Клёкот Клёкотович. Шум один стоит; дверями не ходит, а угол приздынул да в избу залетел. «Ой, — говорит, — жена мила, тут у тебя русский дух!» — «Нет, — говорит, — муженек, ты по Руси налетадся да русского духа нахватадся, тем тебе и пахнет». Она тут стол накрыла «Неси, — говорит он, — жена, хлеба побольше». Она нанесла, «А кто есть, — говорит, — выходи, его не таи». Ну, и вышел царевич. «Здорово, зять!» — «Здорово, шурин!» — «Садись, — говорит, — зять, с дороги кушать хочешь». (Сестра-то накормила, уж много не съест.)

Вот этот Ворон Воронович стал хлеб уплетать: один за щеку, второй за щеку, третий за щеку, четвертым подпирает, а царевич одного кусочка не может съесть. «Поди, — говорит, — жена, натопи байну, с дороги нать гостя умыть, и я заодно попарюсь, налетался, устал. Пойдешь, — говорит, — в байну, два прута железных нажги».

Сестра ходит, топит байну, плачет, знает, что уж брату больше живому не быть. «Ну, муж-кормилец, байна готова, подьте, парьтесь!»

Пошел зять с шурином в байну. «Поди, — говорит, — шурин на полки». — «Нет, — царевич говорит, — я пару не люблю, я не парюсь, ты поди сам». — «А здесь, — говорит тот, — не отговариваются, коли посылают».

Схватил шурина, засвистнул его на полки и начал прутом железным бить. Бил, бил, насмерть убил, все костье раскрошил. Пришел в избу и говорит: «Поди, жена, собери брата косточки».

Та пошла, заплакала, косточки в мешочек собрала да прибрала, да брат тут остался.

Прошел год. А царь с царицей ждали, ждали сына и дожидаться не могли. Второй сын, Иван, просит сделать стрелочку. Сделал ему отец стрелочку, выстрелил он, попала стрелочка опять бабушке-задворенке в окно, она давай его ругать: «Такой ты, эдакой, а еще царский сын! У тебя, — говорит, — сестру-то унес Ворон Воронович, Клёкот Клёкотович, и ты туда хочешь попасть?»»

Пришел сын к отцу и к матери, рассказал все, что ему сказала бабушка-задворенка, попросил снарядить его в дорогу и отпустить его искать сестру.

Родители-то не хотели отпускать, а потом дали благословение, дали коня, и отправился Иванушко. Ехал долго ли, коротко ли, близко ли, далеко ли, едет и сам не знает куда. Вдруг подъехал к избушке на курьей ножке, на петушьей головке и говорит: «Избушка, избушка, повернись к лесу глазами, ко мне воротами!» Избушка повернулась к лесу глазами, к нему воротами. Зашел в избушку, сидит старушка: нос на опечке, глаза на полчке, губами горшки волочит, а языком печь пашет. И говорит: «Фу, фу, русский дух пришел, русским духом пахнет. Хороший кусочек мяса пришел ко мне!» — «Нет, бабушка, ты кусочком не лакомясь! Сперва дорожного человека напой, накорми, в байне вымой, а потом лакомясь».

Бабушка захлопотала, баенку затопила, обед наварила. Намылся, напарился он, накушался, напился и спать повалился. Пробудился он со сна, она стала его выпрашивать, чей он да откуда. «Я царский сын, иду сестру искать. У нас ее унес Ворон Воронович, Клёкот Клёкотович. Старший брат ушел, не вернулся». — «Много, — говорит, — дитяtko, туда ходцов, да мало выходцов. И брат твой был у меня. Далекo он от меня живет, у меня гестра там дальше есть, бат, она чего-нибудь знает. Царского коня, — говорит, — оставь здесь, я буду за ним ухаживать. А вот дам я тебе клубочек, куда он покатится, туда ты и иди. Придешь, к моей сестре».

Он с ней распротился и в путь-дорогу пустился. Клубочек катится, а он за ним идет. Катился, катился, прикатился к избушке на курьей ножке, на петушьей головке. Он и говорит: «Избушка, избушка, повернись к лесу глазами, а ко мне воротами!»»

Избушка повернулась к лесу глазами, а к нему воротами. Зашел он в избушку, а там сидит старушка, Баба Яга, костяная нога: нос на опечке, глаза на полчке, губами горшки волочит, и языком печь пашет: «Фу, фу, русским духом пахнет, давно я его не слыхала. Вот полакомлюсь жирным

кусочком!» — «Ты, бабушка, сперва дорожного человека напой, накорми, в байне вымой, а потом уж лакомься!»

Захлопотала тут бабушка, стала варить, жарить да байну топить. Намыла гостя, накормила, напоила и стала выпрашивать, чей он да откуда. «Я, — говорит, — царский сын, иду сестру искать, ее унес Ворон Воронович, Клёкот Клёкотович». — «Много, дитяtko, туда ходцов, да мало выходцов. Слышала я, как он мимо меня летал, далеко он живет. Есть еще у меня младша сестра, та лучше знает. А дам я тебе, — говорит, — яйцо, ты его по дороге спусти, куда оно покатится, туда ты и иди».

Вот он опять пошел; шел, шел, видит — стоит избушка на курьей ножке, на петушьей головке. Он и говорит: «Избушка, избушка, повернись к лесу глазами, ко мне воротами!» Избушка повернулась, он зашел туда, видит — сидит старушка, Баба Яга, костяная нога: нос на опечке, глаза на полчке, губами горшки волочит, а языком печь пашет. И говорит: «Фу, фу, русский дух пришел, давно я его не слыхала, давно не едала!» — «Ты, бабушка, кусочком не лакомься; накорми, напои дорожного чело века, в байне вымой!»

Захлопотала бабушка, накормила его, напоила, а потом уж стала выпрашивать, чей да откуда. «Я царский сын, иду сестру искать, ее унес Ворон Воронович, Клёкот Клёкотович», — «Много туда ходцов, да мало выходцов. Я, — говорит, — слышала, как он мимо летел, низко гремел. Дам я тебе колечко, оно укажет тебе дорогу к сестре».

Пошел царский сын за колечком. Катилось оно, катилось и прикатилось к самому крыльцу. Вышла тут красная девица, царевна Елена. «Ой ты, родимый брателко, куда ж тебя господь принес? Старшего-то брата косточки в байне в мешочке лежат, и твои там будут».

Впустила она его в избу, кормить не стала, думает, больше потом съест. Спрятала она его в запечек. Прилетает Ворон Воронович, не в дверь летит, а угол приподнял и прямо в избу. «Ой, — говорит, — жена, тут у тебя русским духом пахнет». — «Нет, — говорит, — муженек, это ты по Руси налетался, русского духу набрался, вот и пахнет».

Накрыла она стол, нанесла еды побольше, хлеба. «А кто есть, выходи, не таись!» Вышел царевич. «Здорово, зять!» — «Здорово, шурин!» — «Садись, — говорит, — брат, с дороги кушать».

Стали они есть. Этот брат два хлеба съел, а Ворон Воронович шесть хлебов съел. Отправил Ворон Воронович жену байну топить, велел два прута железных накалить. Сестра ходит, топит байну, плачет — брату уж больше не жить... Изготовила она байну и говорит мужу: «Ну, муж-кормилец, байна готова, подьте, парьтесь».

Пошли зять с шурином в байну. Зять и говорит: «Поди, шурин, на полки!» — «А я, — говорит, — пару не люблю, не парюсь». — «Здесь не отговариваются, коли посылают».

Схватил шурина, засвистнул его на полки и начал прутом железным бить. Бил, бил, насмерть убил, все костье раскрошил. Пришел в избу и велел жене собрать косточки брата в мешочек. Та пошла, заплакала, косточки в мешочек собрала, все прибрала, тут брат и остался.

Прошел еще год. Третий брат был низенький, толстенький, звать Арапулкой. Просит он сделать ему стрелочку. Сделал ему отец стрелочку. Он пошел стрелять и говорит: «Если к девке стрелю в окошечко, так на ней женюсь, а если к бабушке-задворенке спущу в окошечко, в путь-дорогу снаряжусь».

Стрелил он бабушке-задворенке в окно, а та опять заругалась: «Такой-сякой, а еще царский сын! Сестру-то твою унес Ворон Воронович, Клёкот Клёкотович, братьев твоих погубил, и ты туда же хочешь?»

Пришел сын к отцу, к матери, попросил напечь себе подорожников, благословить в путь-дорогу. Царь с царицей поплакали, погоревали, никак его не отпускали, да не могли уговорить. Царь говорит: «Всю семью мою разорил, не видать мне больше из детей никого!»

Дали ему коня, сел он на него и поехал. Отец видел, как садился, а не видел, как скрылся.

Едет Арапулко — долго ли, коротко ли, близко ли, далеко ли, встречается ему избушка на курьей ножке, на петушьей головке «Избушка, избушка, повернись к лесу глазами, а ко мне воротами!» Повернулась избушка, зашел он туда, видит — сидит старушка, Баба Яга, костяная нога: нос на опечке, глаза на полчке, губами горшки волочит, языком печь пашет. И говорит старушка: «Фу, фу, — говорит, — третий год да третий человек идет! Много туда было ходцов, да мало оттуда выходцов. Знаю я, куда, — говорит, — идете. (Уж и не спрашивает его, и съесть не собирается.) Много у царя детей было, а все по одной дорожке идете».

Накормила она его, напоила, стал он в путь собираться. Она говорит: «Очень не тужи, может, и жив останешься, а только, — говорит, — у моей младшей сестры послужи. Я, — говорит, — сижу далеко, в отдаленности, а она больше всех знает. Я тебе клубочек дам, а ты коня береги, никому не отдавай, поезжай на коне только за клубочком».

Катится клубочек, катится, а он за ним едет. Прикатился к избушке на курьей ножке, на петушьей головке. Он и говорит: «Избушка, избушка, повернись к лесу глазами, ко мне воротами!»

Вошел он в избушку, а там сидит такая же старушка: «Фу, фу, — говорит, — русский дух, третий год и третий молодец идет, все царски сыновья в путь-дорогу идут, а сами не знают, куда идут и как оттуда выйти! Ну, ладно, — говорит, — не тужи, я тебе немножко помогу. Теперь я тебе дам вицу, ты эту вицу никому не отдавай, а все в карман пихай. Будет беда, — говорит, — тебе, так ты махни этой вицей на правую руку, а пока беды нет, держи в кармане, ею не шевели».

Дала ему и яйцо. Ехал он, ехал, прикатилось яйцо к избушке на курьей ножке, на петушьей головке. Говорит он: «Избушка, избушка, повернись к лесу глазами, а ко мне воротами!» Избушка повернулась, зашел от туда, там сидит старуха: нос на печке, глаза на полочке, губами горшки волочит, языком печь пашет. «Фу, фу, — говорит, — опять русский дух, все идут царевичи в одну кучу. Ладно, — говорит, — царевич, я тебе помогу». В байне и не помыла, напоила, накормила и спать уложила. «Отдохни, говорит, — а я тебя в путь-дорогу направлю».

Она дала ему бутылочку и сказала: «Эту бутылочку, — говорит, — сложи в карман и никуда ее не бросай и не девай, а как начнешь кушать, эту жидкость выпей всю. А коня, — говорит, — оставь, ведь его там съест Ворон Воронович».

Дала она ему колечко. Покатилось колечко, а он за ним идет. Прикатилось колечко прямо к сестрину крылечку. Вышла она его встречать: «Ой ты, брателко, ты, голубушка, куда ты, — говорит, — идешь! Все братья здесь косточки в мешке оставили, и ты оставишь». Провела она его в избу: «Лежи, — говорит, — под кроватью, пока не прилетел Ворон Воронович».

Вдруг летит, как гром гремит, влетел в избу через угол. «Фу, фу, — говорит, — третий год, третий гость. Выходи, а то худо будет! Я, — говорит, — сильно есть хочу, хлеба больше неси. Выводи, нечего ухораниваться!»

Вышел Арапулко, выпил он из бутылки. Сели есть. Зять один, второй хлеб, третий, четвертый, пятый, шестой хлеб за щеку, седьмым подпихивает. «А ты, — говорит он шурина, — чего не ешь?» — «А я, — говорит, — успею наистись». Один, второй, третий, четвертый, глядь — уж девятым подпихивает! А тот уж поглядывает на него: «Поди, — говорит, — жена, натопи байну да накали три железных прута дóсиня».

Пошла сестра, плачет, плачет — последнего брата погубит!

Истопила она байну, пошли зять с шурином. Заходят в байну. Зять и говорит: «Поди-ко ты париться». — «А я, — говорит, — не люблю пару, подика ты сам».

Зять хотел шурина схватить, да от полу не мог оторвать. Опять спорят. Зять не может оторвать его. Схватил Арапулко зятя, бросил на полки, вицу выхватил и голову срубил. Приходит и говорит сестре: «Поди, — говорит, — сестрица, собери косточки мужа, никуда не убирай, а прямо в землю пихай, да поглубже туда».

Та и рада-радешенька! Запихали в землю, что и ворона духу не слышать. А эти косточки братьев взяли, поплакали. Вдруг ей на плечо ворон сел. Она и говорит ему: «Ворон, ворон, слетай-ко, где мертво и живое озеро, я тебе дам два пузырька, принеси мне-ка мертвой и живой воды».

Слетал ворон, принес этой воды. Мертвой водой сбрызнули — косточки собрались в кучу, а живой водой сбрызнули братья живы стали. Сестра пошла и говорит: «У нас есть еще терем и конюшня».

Взяли терем в яйцо, а конюшню в кольцо, собрались и пошли путем-дорогою. Пришли к бабушке, ее поблагодарили, заплатили, взяли коня и пошли. Так они дошли до второй и до первой бабушки. Приехали домой, а царь с царицею уж совсем остарели, ослепли — так плакали по ним, что стали слепы. Они плачут, что не могут видеть своих детей. А сестра-то захватила с собой мертвую и живую воду. Помазали они им глаза, и те очунились, Тут они обрадовались.

Сестра замуж вышла, братья женились. Царь с царицей померли по старости, а те еще живут и нас переживут.

Вот и сказка вся, белоглазка вся, больше сказывать нельзя. Щука да елец, да и сказке конец.

(Зап. от А. А. Мошниковой, с. Лесное, Терский берег Белого моря, в 1963 г.)

Сказки Терского берега Белого моря. Изд. подгот. Д. М. Балашов. Л., 1970.